

ГОСТЬ МОСКВЫ

ТАНЕЦ— ДВИЖЕНИЕ И ЖИЗНЬ

В двухстах городах Америки им аплодировали. Любители танца 22 стран горячо встречали их. В Париже они получили премию за успехи в области искусства. Ансамбль современного танца США под руководством Пола Тэйлора известен любителям балета всего мира.

В эти дни в Москве в помещении Театра оперетты проходят гастроли этой известнейшей труппы модерн-балета.

Корреспондент «МК» А. Комов встретился с Полом Тэйлором.

— Господин Тэйлор, стиль «модерн» сегодня любим многими. Но ведь он уже не новое слово в танце. Коллективов современного балета в мире достаточно. В чем, по-вашему, особенности этого стиля?

— По сравнению с классическим балетом современный, по-моему, богаче. Берите движения из жизни, смотрите, как движется прохожий, как работает человек, учитесь у человека — попробуйте передать его сегодняшний образ. Балет должен быть жизненным, сегодняшним, впрочем, как и любое искусство...

— А какое искусство вы особенно любите, кроме балета?

— Живопись. В моло-

дости была дилемма — стать художником или посвятить себя танцу. Помню, когда заканчивал очередную картину, я не мог и минуты усидеть на месте в ожидании, пока высохнет краска. Пританцовывал, двигался, пытался продолжить движения. Так для меня живопись и осталась застывшим танцем. Красочной, двухмерной мизансценой...

— С чем вы пришли в балет? Вы уже хотели сказать что-то конкретное?

— Я много искал. Конечно, было опрометчиво любую находку нести зрителю. Вот один из моих, как казалось, очень оригинальных номеров. Я просто выходил на середину пустой сцены и молча стоял под аккомпанемент телефонных звонков, заменяющих музыку. Он вызвал в прессе скандал. Критик одной из центральных газет доказал, что тоже умеет быть оригинальным — в газете появился пустой квадратик, внизу подпись автора этой оригинальной «рецензии». Но были среди ранних поисков и удачи. Например, постановка «Экспланада» — мы показываем ее москвичам.

— Кто же помог сформироваться вашим взглядам?

— У меня были прекрасные учителя Марта Грэхем, Мерсе Каннынгхэм, они и привили мне вкус к современному танцу. А в жизни больше всего помогла мама. Она считала, что самое главное подсказывает человеку природа и сама жизнь.

— Что вам ближе — сюжетный балет или пластика абстрактных движений?

— Трудно сказать. Например, «Руны» — спектакль из жизни наших предков. Община. Люди выходят и исполняют свой танец — он короткий, как жизнь. Герои уходят, уступая место другим. Другие танцы — другие судьбы. Есть в нашей программе и абстрактные постановки — такие, как «Арии». Вы можете понять эту постановку так или иначе, не согласиться со мной — это ваше право. Это, как восприятие музыки...

— И вы считаете, что зрители вас понимают?

— Судя по тому, как принимали труппу в Ленинграде, в Риге, в Вильнюсе, я тешу себя надеждой, что зрителю наши выступления были близки и понятны. Вообще советский зритель — я не одинок в этом мнении — очень восприимчив и радушен.